

Повозка каретного двора Шэнсин была куда просторнее обычных экипажей: потеснившись, в ней без труда могли разместиться пять-шесть человек.

Сейчас же внутри сидело лишь двое: юноша чуть за двадцать да подросток лет четырнадцати-пятнадцати, отчего внутри царила непривычная пустота.

При виде стражника лицо старшего юноши почти не изменилось, и голос прозвучал совершенно спокойно:

— Мы прибыли в уезд Чэнъянь для сдачи уездных экзаменов. Вот свидетельство, выданное нам управой.

Услышав, что перед ним учёные люди, стражник немного умерил своё нетерпеливое выражение. Он взял бумагу, бегло просмотрел её и, убедившись, что на ней действительно стоит казённая печать, вернул дорожную грамоту юноше.

Затем его взгляд задержался на подростке, смерив его ещё несколькими придирчивыми взглядами.

Винить его в излишней подозрительности было нельзя: уж больно щуплым и худощавым выглядел мальчишка — не как крепкий парень, а точь-в-точь гэр.

Юноша заметил этот взгляд и продолжил:

— Это мой младший брат Сюй Юй. Он имеет степень туншэна. Я сопровождал его на уездные экзамены. Вот его свидетельство для допуска.

Стражник снова взял из рук юноши документ, тщательно его изучил и, не задавая больше вопросов, пропустил повозку.

Миновав городские ворота, повозка выехала на разбитую просёлочную дорогу. Колёса с глухим стуком перекатывались через ухабы и рытвины.

Внутри экипажа Сюй Янь полулежал, откинувшись на стенку, и прикрыл глаза, отдыхая. Меж бровей у него пролегла слабая складка усталости от долгого пути.

Его брат Сюй Юй, сидевший напротив, разом сбросил с себя только что напускную чинность и с присущим его возрасту любопытством почти наполовину высунулся из окна повозки.

Глаза его так и сверкали, жадно разглядывая всё, что попадалось по дороге.

— Брат, глянь, какая там высокая гора! Даже выше, чем наша гора Даяньшань в деревне!

Сюй Юй указал на тянущиеся вдалеке леса, и в голосе его зазвучал восторг.

— Интересно, водятся ли в ней свирепые тигры?

Сюй Янь открыл глаза, бросил на него небрежный взгляд и произнёс бесстрастно, но с назиданием:

— Сядь как следует. Смотри не ударься.

— Понял, понял, — Сюй Юй втянулся обратно, но глаза его по-прежнему сами собой косили в окно. — Просто всё в новинку! Столько дней просидел взаперти в городе на этих экзаменах, что все кости затекли.

Не услышав от брата ответа, он заскучал. Вспомнив про строгую проверку у городских ворот, он снова спросил:

— Брат, а кого это стражники искали? Размах-то какой! Даже наши подорожные так дотошно проверяли.

Сюй Янь, с прежним спокойным выражением лица, опять прикрыл глаза и равнодушно проговорил:

— Сыск беглых преступников да розыск людей и вещей — для управы дело обычное. Расспрашивать о том, что нас не касается, незачем. Хорошо уже то, что мы спокойно выехали. Думай только о нашей дороге.

— А-а.

Сюй Юй отозвался коротко, но, судя по всему, любопытство его не угасло. Его взгляд по-прежнему блуждал за окном.

По обе стороны разбитой грунтовки тянулись редкие заросли бурьяна да межи рисовых полей, а поодаль простирались бескрайние леса.

Послеполуденное солнце жгло землю нещадно. Прохожих на дороге почти не было, лишь их одинокая повозка тащилась вперёд.

Сюй Юй рассеянно глазел на окрестности, как вдруг его взгляд застыл. Он резко схватил Сюй Яня за руку и затряс её:

— Брат! Брат! Глянь скорее туда! Там, на земле, кажется, человек лежит!

Сюй Яня растолкали, и он снова открыл глаза. Проследив за пальцем брата, он и впрямь увидел у кучи булыжников неподалёку от дороги скорчившуюся фигуру.

Человек лежал совершенно неподвижно и даже под палящим солнцем не подавал никаких признаков жизни.

— Может, просто бродяга притомился и прилёг отдохнуть. Или пьяный.

Голос Сюй Яня звучал безучастно. Вмешиваться он явно не собирался.

Встретить на этой дороге бродягу или попрошайку было немудрено. Не мог же он спасать каждого встречного.

Сюй Юй думал иначе, и сердце его сжалось от тревоги.

— Брат, посмотри на его ногу! Она как-то очень уж неестественно вывернута!

Сюй Янь чуть нахмурился и пригляделся снова.

Повозка как раз проезжала мимо кучи булыжника, и он смог всё разглядеть отчётливо.

Скорчившаяся фигура была до странности тощей. Лицо и тело насквозь пропитались засохшей грязью. Спутанные длинные волосы закрывали почти всё лицо, и черт было не разобрать.

Его левая нога была неестественно вывернута наружу и открыта солнечным лучам. Вся лодыжка чудовищно распухла. Под этим палящим зноем вся фигура источала ауру полной безжизненности.

Сюй Янь нахмурился ещё сильнее. Помедлив несколько мгновений, он низким голосом крикнул:

— Возница, останови.

— Тпру-у!

Возница натянул поводья, и повозка медленно встала у края дороги.

Сюй Янь первым спустился на землю, Сюй Юй тут же спрыгнул следом. Один за другим они направились к распростёртому телу.

Подойдя ближе, они увидели всё гораздо яснее.

Это был на удивление тщедушный подросток. Дышал он едва-едва. Губы пересохли и потрескались до крови. Лоб покрывала смесь из пота и грязных разводов. Одежда висела мешком, и её будто кто-то грубо трепал, отчего обнажился небольшой участок разительно

белоснежной груди.

— Он... он что, мёртв?

Голос Сюй Юя дрогнул. Он присел на корточки, но прикоснуться боялся.

Сюй Янь опустился на колени и первым делом проверил дыхание юноши. Слабое, но оно определённо было.

Затем он приподнял шею лежащего, желая рассмотреть его лицо. Но грязь и спутанные пряди скрывали почти всё, и о цвете лица судить было никак нельзя. Пришлось раздвинуть юноше веки и проверить реакцию зрачков.

— Жив. Но сильно ослаб. Похоже, упал в обморок от полного истощения сил.

Взгляд Сюй Яня скользнул по перепачканной, но всё ещё заметно добротной ткани его одежды.

Вид у него был, конечно, жалкий, но на завсегдатая уличных трущоб он не походил.

Сюй Юю стало не по себе.

— Брат, у него такие тяжёлые раны! Мы... Этот человек ещё жив. Если оставить его так, он и вправду может умереть.

Сюй Янь промолчал. Его взгляд снова задержался на лежащем без сознания юноше.

Он был не из тех, кто терзается сомнениями, и решение принял сразу. Наклонившись, он подхватил парня на руки и вместе с Сюй Юем вернулся в повозку.

Возница не проронил ни слова. В конце концов, аренда за всю повозку, одним больше, одним меньше — какая разница. Лишние хлопоты всё равно не ему.

Вот только этот попрошайка был больно уж грязен. Запачкать им повозку никак нельзя, в таком случае с них точно могут потребовать дополнительную плату.

Повозка тронулась в путь, громяхая по ухабистой дороге.

Сюй Юй глядел на скрючившегося на сиденье человека и думал, что лицо у того чересчур грязное. Ни носа, ни рта не разглядеть — даже воды ему в рот не влить толком.

Тогда он достал свою флягу с водой, осторожно смочил тряпицу и начал понемногу оттирать грязь с лица юноши.

По мере того как грязь сходила, проступало лицо — хоть и бледное до изнеможения, но на удивление тонкое и изящное.

Даже с закрытыми глазами было видно, сколь изысканны его черты. Кожа оказалась столь нежной, что никак не походила на кожу обветренного бродяги.

В особенности алая родинка в самом межбровье — она делала весь его облик ещё на несколько тонов ярче.

— Брат...

Сюй Юй, глядя на это лицо, от изумления не мог вымолвить ни слова.

— Он... Да он же гэр!

Сюй Янь, стоя тут же и наблюдая за действиями брата, тоже всё отчётливо разглядел и внутренне изумился.

Хотя, когда он нёс его на руках, то чувствовал, что он совсем лёгкий, а талия такая тонкая, что, кажется, обхватить можно было двумя ладонями. Но о таком он даже не подумал.

Он смотрел, как юноша в дорожной тряске бессознательно стонет от боли, как на лбу у него проступает холодный пот, а губы едва заметно шевелятся, будто нашёптывая что-то.

Сюй Янь склонился ближе и с трудом разобрал несколько обрывочных слогов:

— ...мама... не хватайте меня... больно...

Этот слабый, бессвязный лепет, точно тонкая игла, легко уколол сердце Сюй Яня.

Потупив взор, он молча переложил повреждённую ногу юноши в более удобное положение.

И правда — на сей раз маленький гэр заснул гораздо крепче, и страдальческая складка меж бровей у него понемногу разгладилась.

Сюй Юй шёпотом спросил:

— Брат, что нам теперь делать? Он же гэр!

Взгляд Сюй Яня задержался на исполненном мукой лице Се Цзиньхуаня, а затем переместился на его страшно распухшую, раненую ногу.

— Едем в ближайший посёлок. Найдём надёжную лечебницу, чтобы заняться его раной. О прочем поговорим, когда очнётся.

<http://bllate.org/book/19685/1949359>